

УДК 141.32

DOI 10.23683/2227-8656.2019.3.11

**ОТ ЭМПИРИЧЕСКОГО
И ВСЕОБЩЕГО
СУБЪЕКТА ПОЗНАНИЯ
К ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМУ
СУБЪЕКТУ**

**FROM THE EMPIRICAL
AND UNIVERSAL SUBJECT
OF COGNITION
TO THE EXISTENTIAL
SUBJECT**

Эмирова Залина Гаджибалаевна
Магистрант кафедры онтологии и теории
познания, факультет психологии
и философии,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Россия,
e-mail: zalina.efendieva.96@mail.ru

Zalina H. Emirova
Master's Student, Department of Ontology
and Theory of Knowledge,
Faculty of Psychology and Philosophy,
Dagestan State University,
Makhachkala, Russia,
e-mail: zalina.efendieva.96@mail.ru

В статье раскрывается динамика познания от эмпирического к всеобщему, трансцендентальному субъекту и от них – к экзистенциальному субъекту. Этот переход связан с непрерывной теоретизацией, гуманитаризацией и философизацией современного познания вообще. Показывается, что познавательная стратегия общества и человека исторически начинается с нерасчлененного экзистенциального субъекта, в которой нет его противоположности объекту, и как бы вновь возвращается к нему на современном этапе.

The article reveals the dynamics of cognition from the empirical to the universal, transcendental subject and from them to the existential subject. This transition is associated with a continuous theorization, humanitarianism and philosophization of modern cognition in general. It is shown that the cognitive strategy of society and man historically begins with an undivided existential subject, in which there is no opposition to the object, and as it returns to it at the present stage.

Ключевые слова: субъект познания; эмпирический субъект; всеобщий и трансцендентальный субъект; экзистенциальный субъект.

Keywords: subject of cognition; the empirical subject; the universal and the transcendental subject; the existential subject.

Введение

История становления познавательной культуры человека и общества показывает, что первоначально в развитии человечества формируются не гносеологическое видение и измерение знания, а экзистенциально-антропологическое, когда оно и метрика его оценки связываются с определенной личностью, индивидом. Убедительным подтверждением того, что мифология и религия первоначально еще не знают такого гносеологического измерения знания, является знаменитая евангелическая сцена Тайной вечери, когда на вопрос своего ученика и апостола: «Что есть истина?» Иисус отвечает: «Я есть истина и свет». То есть носителем знания, а главное – мериллом его истинности является конкретный человек, безотносительно к каким-либо познавательным действиям. Гносеологическое же измерение знания становится возможным несколько позже, когда вместе с разложением общества на антагонистические классы происходит разделение умственного и физического труда, когда появляется специализированная познавательная деятельность с достаточно четко выделенным субъектом. Таким образом, появление гносеологического измерения знания и оценочной его метрики приходится на период формирования субъектно-объектной парадигмы познания, нам хорошо знакомой, сохраняющейся в науке до настоящего времени (Магомедов, 2015).

Некоторые подходы рассмотрения субъектно-объектной парадигмы познания в философии

Н. Бердяев эту же мысль выразил в такой интересной форме, как появление в познавательной культуре первичного и вторичного сознания. «Вторичное сознание, – отмечает он, – связано с распадом на субъект и объект, оно объективирует познаваемое. Первосознание погружено в субъект как первореальность, или, вернее, в нем дано тождество субъекта и объекта... Я это выразил недавно в парадоксе: субъективное объективно, объективное же субъективно, ибо субъект есть создание Бога, объект же есть создание субъекта. Субъект есть нумен, объект же есть феномен» (Бердяев, 1997). Необходимо заметить, что сама субъектно-объектная парадигма познания непрерывно изменялась вместе с трансформацией представлений об объекте и субъекте, из которых она и формируется. Применительно к субъекту познания эта динамика шла от негносеологического антропологически-экзистенциального субъекта, о котором мы говорили, к эмпирическому субъекту, на котором была построена вся познавательная деятель-

ность до Нового времени, а от него – к всеобщему и трансцендентальному субъекту познания Декарта, Канта и Гегеля.

На базе такой субъектно-объектной парадигмы в познании сформировалась номотетическая традиция в мышлении и науке, о которой подробно рассказали представители неокантианства, ориентированная на постижение общего, закономерного, что достигается в науке за счет абсолютизации объективного содержания познания и максимальной элиминации субъекта. На фундаменте такого номотетически ориентированного субъектно-объектного познания науки, прежде всего естествознание, добрались до глубинных тайн природных и социальных процессов (Виндельбанд, 2007).

Но вместе с тем необходимо отметить, что такая субъектно-объектная парадигма познания показала свои пределы и ограничения, поскольку субъект и объект в ней оказываются дихотомически противопоставленными. Как отмечал Н. Бердяев, подобное гносеологическое разделение приводит к тому, что и субъект, и объект не оказываются бытием. Бытие исчезает и недоступно познанию. Познающий не есть бытие, ему лишь противостоит бытие как объект познания. Но так как познающий не приобщен к тайне бытия и не находится в нем, то бытие стоит перед ним как совершенно чуждое (Бердяев, 1934). Такое понятийное обращение субъекта к объекту схватывает в объекте только общее и существенное, не дает ему приобщиться к последнему во всем его богатстве, схватить все содержательное многообразие конкретного, индивидуального и неповторимого. Подобное объективированное бытие, согласно Н. Бердяеву, не есть уже подлинное бытие, оно препарировано субъектом для целей познания. Это естественно, поскольку субъект выделяет в качестве объекта познания не все бесконечное многообразие свойств предметов или процессов, а только некоторые абстракции, подлежащие исследованию. Таким образом, получается, что в механизмах познавательной субъектно-объектной взаимосвязи уже изначально присутствуют элементы отчуждения субъекта от объекта. И эта отчужденность от объекта производится самим познающим субъектом.

При такой гносеологической стратегии познающий субъект становится абстракцией, лишенной всякого внутреннего содержания; он существует лишь в своей оппозиционности объекту, лишь в отношении производимой им объективации. Другими словами, субъект познания имеет лишь логическую природу; конкретная, живая, содержательная и психологическая природа же при такой парадигме познания напрочь отсутствует.

Величайшая заслуга Канта состоит в том, что он начал осознавать пределы подобной объективации, производимой познающим субъектом, и попытался вывести гносеологию из такой логически жесткой увязки субъекта и объекта. Таким образом, им наметился путь к освобождению гносеологии от порабоощающей власти субъектно-объектной познавательной парадигмы. Бытие нужно искать не только в объекте, но прежде всего в субъекте. По этой же субъектной траектории пошли и все последователи Канта в лице Фихте, Шеллинга и Гегеля, которые начали строить гносеологию не через объект, а через субъект. Получается, что историческая заслуга немецкой классической философии состояла в том, что она начала процесс разрушения традиционной субъектно-объектной парадигма в гносеологии, по которой мир объектов есть бытие, и наоборот, бытие есть мир объектов. Этот процесс освобождения субъекта от жесткой логической связи с объектом был уже начат Р. Декартом, с его знаменитым *Cogito ergo sum*, но разработан и последовательно был реализован Кантом и всей немецкой идеалистической философской классикой.

Правда, справедливости ради необходимо отметить, что этот процесс «субъективации» мышления и познания немецкой философией был не завершен и уведен в другую крайность в понимании субъекта. Она его объективировала, лишив, таким образом, внутреннего содержания, поскольку ее субъект – это абстрактный и всеобщий конструкт, а не реальный человек, не личность, а носитель мирового духа или разума. Следовательно, немецкий идеализм подменил проблему познающего человека проблемой субъекта: «трансцендентального сознания» (Кант); «я и надындивидуального сверх-я» (Фихте) и «мирового духа» (Гегель). Поэтому процесс познания также перестал быть живым, человеческим познанием, со своей сложной внутренней драматургией. Он стал, как это отражается в знаменитой работе Гегеля, «феноменологией духа», познанием абстрактного и внеличного мирового разума. Следовательно, остался нерешенным вопрос об отношении между трансцендентальным гносеологическим субъектом и реальным единичным субъектом, живой человеческой личностью, и в какой мере это трансцендентальное субъектное содержание присутствует в индивидуальном человеческом сознании.

На этом пути произошло разделение логического и психологического в человеке как субъекте познания. Получается, что познает не реальный индивид с конкретным набором когнитивных способностей, а только очищенный от всякого психологизма, логизированный и абстрактный субъект – носитель разума, трансцендентного сознания. Как справедливо отмечал Н. Бердяев в первой главе своей знаменитой работы «Я и мир

объектов»: «Субъект в высшей степени активен в немецком идеализме, он даже создает мир. Но активность субъекта не означает активности человека. Сам человек как будто ничего не привносит в познание. Да и творческая активность познания тут порождает мир, но в самом мире нет уже творческой активности познания» (Бердяев, 1934). Он только выполняет веления трансцендентального сознания. Поэтому получается, что в немецкой классической гносеологии проблема субъекта познания есть, а человека познающего и творческого – нет.

Поэтому после Канта и всей немецкой классической философии онтология и теория познания должны были перейти на новую стадию, где уже познающий субъект сам являет собой бытие, а не только противопоставит бытию как своему объекту. Это самостоятельное бытие субъекта, а не только в оппозиции и противопоставлении к объекту, могло утвердиться в иной, несубъектно-объектной онтологической и гносеологической парадигме. Сам Гегель через основополагающий принцип тождества мышления и бытия попытался разрешить это противопоставление субъекта и объекта и ответить на вопрос: как возможно соотношение между субъектом и объектом, если субъект находится вне бытия и бытие для него лишь объект? Как мы отмечали, попытка ответа на это гносеологическое и онтологическое вопрошание и привело его к объективному идеализму со всеми вытекающими последствиями.

Основные идеи экзистенциального субъекта в философии

Проблема онтологического и гносеологического противопоставления субъекта и объекта могла бы быть решена в ином измерении, если признать субъекта не абстрактно-всеобщим и трансцендентальным, а экзистенциальным. Историческая заслуга С. Кьеркегора, Н. Бердяева, М. Хайдеггера, К. Ясперса и других состоит в том, что они поставили проблему человека, завуалированного в немецкой классической философии под маской всеобщего, трансцендентального субъекта познания, в иной, экзистенциальной плоскости, как проблему человеческого существования. Впервые такую новую субъектную матрицу, впоследствии названную неклассической, предложил С. Кьеркегор. Его историческое значение в онтологии и гносеологии состояло в том, что он попытался освободить гносеологию от абстрактного всеобщего субъекта, подавляющего индивидуальное когнитивное богатство конкретного познающего человека. Вместо классического эмпирического и декартовско-кантовско-гегелевского всеобщего субъекта начинает формироваться идея экзистенциального субъекта, который существует вне всякой объективации, по-

сколько сам субъект являет собой бытие, самодостаточное, независимое от объективной реальности.

С позиции экзистенциальной гносеологии думать, что познавать – значит объективировать – это величайшее заблуждение человечества. Подлинное познание, напротив, состоит в субъективации, в распределении всей человеческой культуры, т. е. оно относится к постижению существования, раскрывающегося в субъекте. Следовательно, натуралистическое объективно-предметное понятие бытия должно быть заменено существованием; им может быть только экзистенциальный субъект, находящийся «по ту сторону» объекта. Поэтому философское познание невозможно отделить от совокупного духовного опыта человека. Ведь философствует и познает конкретный человек, а не гносеологический субъект, не отвлеченный универсальный дух. И Платон, и Декарт, и Спиноза, и Кант, и Гегель были конкретные люди, и они вкладывали в свою философию свое человеческое, экзистенциальное, хотя в этом они не хотели сознаваться (Бердяев, 1997).

Важно постигать не только сущность бытия, на что была ориентирована классическая субъектно-объектная парадигма познания, закрепленная в механизмах научного познания, но и феноменальное существование этого бытия. Поэтому на смену эссенциалистскому вектору, характерному для субъектно-объектной парадигмы познания с ее ориентацией на познание сущности, должна прийти такая философия, онтология и гносеология, предметом которых является конкретный и богатый в многообразии своих проявлений экзистенциальный субъект.

Часто представляют так, будто утверждение экзистенциального субъекта есть своего рода возвращение к эмпирическому субъекту, преодоленному немецкой классической философией. Нет. Экзистенциальное я, несмотря на то что оно являет собой приближение к реальному, живому человеку, все же имеет трансцендентное и вневременное содержание и измерение; этим оно отличается от эмпирического субъекта. Существование во времени богаче, содержательнее самого времени. Это во-первых.

Во-вторых, моя экзистенция, т. е. существование не в пространстве, а во времени, предполагает вечное изменение и движение, тогда как субъектно-объектная логика мышления отражает лишь застывшее состояние субъекта.

В-третьих, в субъектно-объектной метрике познания мышление как бы разрушает существование, т. е. происходит вечная борьба между отвлеченной, абстрактной мыслью и существованием. В экзистенции же борьба имеет внутреннее измерение и содержание, без обращения к

внешним, объектным отношениям. Это противоречие в самом существовании намного богаче субъектно-объектного тождества противоположностей. Поэтому субъектно-объектное мышление не имеет тайны; экзистенциальное же мышление, поскольку оно есть вечное становление и, как говорит А. Бергсон, вечная и непрерывная изменчивость, парадоксально по своей сути. Неслучайно такое существование воспринимается как страх, трепет, тоска, отчаяние, недовольство, тревога и другие чувства, отражающие маргинальные, переходные состояния субъекта.

Заключение

В заключение отметим один интересный вывод, претендующий на парадоксальность. Получается, что когнитивный дискурс человека и человечества начинается и возвращается вновь на определенном историческом этапе к экзистенциально-антропологическому измерению ценности знания, в которой отсутствует дихотомическая субъектно-объектная метрика знания. Но это, как говорил Гегель, не простое возвращение к древности, а «якобы возврат к исходному», где повторяются лишь внешние, но не содержательные особенности объектов и процессов.

Литература

Бердяев Н.А. Судьба России. Самопознание. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. 544 с.

Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Размышление. Субъект и объективация. 1. Субъект познания и человек. Режим доступа: <http://vash-psiholog.info>.

Билалов М.И. Истина. Знание. Убеждение / ред. А.Л. Никифоров. М.: Директ-Медиа, 2013. 128 с.

Виндельбанд В. Прелюдии. М.: Кучково поле, 2007. 393 с.

Магомедов К.М. Негносеологические концепции истинности знания // Толерантность. Глобализация. Восток – Запад – диалог мировоззрений: докл. VII Рос. филос. конгр. Уфа, 2015. Т. 1. С. 83–84.

Магомедов К.М. О негносеологических концепциях истины // Проблема истины на философской карте Санкт-Петербурга. СПб.; Самара; Махачкала, 2015. С. 56–63.

References

Berdyayev, N.Ah. (1997). Russia's Destiny. Selfknowledge. Rostov n/D.: Feniks.

Berdyayev, N.Ah. Me and the world of objects. Reflection. Subject and objectification. 1. The subject of knowledge and man. Available at: <http://vash-psiholog.info>.

Bilalov, M.I. (2013). Truth. Knowledge. Belief. A.L. Nikiforov (Ed.). Moscow: Direct Media.

Windelband, V. (2007). Prelude. Moscow: Kuchkovo pole.

Magomedov, K.M. (2015). Not epistemological concepts of the truth of knowledge. *Tolerantnost'. Globalizatsiya. Vostok - Zapad - dialog mirovozzreniy: Dokl. VII Ros. filos. kongr. Ufa*, 1, 83-84.

Magomedov K.M. (2015) On epistemological concepts of truth. *Problema istiny na filosofskoy karte Sankt-Peterburga*. St. Peterburg; Samara; Makhachkala, 56-63.